

УДК 94 (410)

Шабунина А.К., кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН (Россия)

РЕЦЕПЦИЯ РАБОТНЫХ ДОМОВ В АНГЛИЙСКИХ ПАМФЛЕТАХ (1834-1842)

Статья посвящена анализу социальной рецепции англичан о рабочих домах как социального института. Новая волна рефлексии была вызвана принятием и внедрением Нового законодательства о бедных в 1834 г. На основе архивных источников из Национального архива Великобритании, памфлетов и материалов газет была сделана попытка реконструировать восприятие системы рабочих домов в публицистических трудах современников. В статье выделяются специфические черты памфлета как отдельного жанра рассматриваемого периода, прослеживаются цели создания отдельных памфлетов, их влияние на систему английских рабочих домов, связь текстов опубликованных произведений с их популяризацией в газетах. Рассматриваемый в исследовании период 1834-1842 гг. стал временем ранней рефлексии и первичной рецепции на социальную трансформацию в сфере помощи бедным. Разнородный характер материала демонстрирует большую заинтересованность англичан в решении социальных проблем на локальном уровне, нежели движение за системные преобразования в общеанглийском масштабе. В статье выделяется критическое и контркритическое направление социальной рецепции. Делается вывод о том, что социальные страхи, вызванные содержанием памфлетов и его распространением, ограничивали внедрение системы рабочих домов, тогда как конструктивная критика способствовала сотрудничеству власти и общества в вопросе реформирования законодательства о бедных в викторианской Англии.

Ключевые слова: памфлет, рабочий дом, викторианская Англия, газеты, бедность, памфлетная война, социальное законодательство, социальный компромисс.

DOI: 10.22281/2413-9912-2025-09-04-122-133

Введение. Современный мир актуализирует изучение проблем бедности, социальной помощи и ее форм в исторической ретроспективе. Англоязычную историографию, посвященную истории рабочих домов, отличает разветвленный характер, напластование исследовательских подходов и детализация дефиниций исследования вплоть до воссоздания частного пространства отдельного рабочего дома. История рабочих домов – один из ключевых и спорных вопросов британской историографии социальной истории Нового времени. Однако, в отечественной исследовательской практике рабочие дома редко становились предметами отдельных изысканий. В последние годы данная проблематика начинает попадать в фокус исторических исследований. Вопросы рецепции рабочих домов освещаются в работах Ю. Е. Барловой, Е.К. Складовой, О.В. Яблонской [1; 2; 5; 6] и др.

Необходимо отметить, что памфлеты

о рабочих домах редко привлекаются к источниковой базе исследований. Можно отметить несколько причин. Первая, плохая сохранность бумаги, на которой были напечатаны тексты, ориентированные для распространения среди бедных рабочих и жителей трущоб. Вторая, разнородность отраженной в них тематики, которая все более затрагивала частные вопросы и прецеденты локального и микроисторического уровней. Третья, большинство памфлетов было полностью или тезисно опубликовано в газетах и журналах, что требует от исследователя дополнительных операционных мер по реконструкции текста памфлета, прошедшего редакторскую правку изданий. Четвертая, сложность атрибуции данных источников, авторство, место издания и тираж издания в ряде случаев остается спорным или невыясненным. Однако, отмечу, что эти особенности не исключают привлечение памфлетов к исследованиям по истории рабочих

домов. Они вошли в исследовательскую базу таких современных британских авторов как: М. Кровтер, П. Джонс, С. Кинг, Э. Ройял, С. Вильямс [8; 12; 20; 26] и др. В данной статье впервые в отечественной исследовательской практике прослеживается разнонаправленная рецепция системы работных домов в первые годы действия «Нового законодательства о бедных», выделяется специфика памфлетов о работных домах.

Объекты и методы исследования.

Объектом исследования выступила социальная рецепция системы работных домов, отраженная в памфлетах 1834-1842 гг. В методологическом смысле основой исследования выступил принцип историзма и объективности. В ходе исследования были применены специально-исторические методы, такие как историко-системный, историко-сравнительный; проведены операции историко-психологической реконструкции рецепционной рефлексии британцев, как целостного процесса. В ряде случаев задачи исследования вызвали необходимость сопоставления архивных данных «Национального архива Великобритании» с материалами газет в вопросе анализа содержания и рецепции отдельного памфлета.

Результаты и их обсуждение. На рубеже XVIII-XIX вв. в Англии разворачиваются масштабные дебаты о формах и институционализации помощи беднякам. Эта проблема все более выдвигалась на первый план общественных дискуссий, чему способствовал общий социальный фон, выраженный в сумме конфликтогенерирующих факторов эпохи. Влияние промышленного переворота, изменения на рынке труда и новости с континента о последствиях французской революции все более обостряют публичные споры о социальном положении бедняков. В дебатах, с одной стороны, находились У. Годвин, Ч. Холл, У. Хэзлитт и их сторонники. Они, исходя из идей Просвещения и гуманистической интеллектуальной

традиции, выступали за расширение помощи беднякам. С другой стороны, были те «кто проповедовал принцип “личной обусловленности” бедности - люди сами виноваты в своей нищете, Дж. Тауншенд, Т. Мальтус, И. Бентам и их последователи призывали государственных деятелей перестать помогать бедным и либо ориентировать последних на самопомощь, либо использовать их как потенциальный производственный ресурс» [1, с. 74]. Вторая сторона формально побеждает, что приводит к внедрению «Новой системы» помощи бедным («Poor Law Unions»), основными звеньями которой становятся: работный дом и прекращение помощи на т.н. «открытом воздухе». Были отменены полностью или значительно ограничены выплаты, пособия, работа ночлежек и приютов для бедняков. Новая система гармонировала с ценностями протестантской этики. В основе законодательного акта 1834 г. лежала идея, что «бедные несут ответственность за свое положение, которое они, если захотят, могут изменить» [2, с. 68]. Однако, несмотря на принятие закона, «первая» сторона спора не спешила сдавать своих позиций и общественные прения разгораются с новой силой. Они находят свое отражение в памфлетах 1834-1842 гг., времени первичной реакции на работный дом. В этот период, с одной стороны, происходит рефлексия о нововведениях, с другой стороны, готовится почва для дальнейших преобразований работных домов, реализация которых приходится на 1840 гг.

Новая система начала действовать 1 июня 1835 г. и сразу столкнулась с валом петиций и жалоб. Уже в первые годы внедрения закона был создан миф о работном доме, в котором он приобрел репутацию места угнетения, а обратившийся к помощи признавал себя падшим в оценке социальной морали. При этом, как отмечает М.А. Кровтер, основную роль здесь сыграла «пропагандистская война» [8, р. 30], которая проявлялась

через памфлеты и деятельность редакторов газет, которые публиковали соответствующие тексты.

Необходимо отметить, что в 1834 г. недовольство нововведениями усиливало разочарованием от избирательной реформы («Reform Act», 1832 г.). Работные дома внедрялись в атмосфере социального протеста, критики и гнева, вызванного ограниченностью избирательных прав после принятия «Закона о реформе» 1832 г. Новое законодательство о бедных воспринималось как предательство народа со стороны либеральных сил. В этом контексте «работный дом, рассматривался как дальнейшее наступление на права и средства к существованию бедных рабочих после многих лет агитации за фабричные и трудовые реформы» [20, р. 97]. Рабочие продолжали чувствовать себя обманутыми, что позволяло использовать памфлеты о работных домах как средство политической борьбы, прежде всего со стороны консерваторов. Межпартийное противостояние по вопросу Нового закона о бедных выходило далеко за рамки парламентских прений и дебатов в клубах. Так, в 1838 г. журнал «Blackwood's Magazine», один из ультра-торийских изданий, размещает на своих страницах анонимный памфлет «Новая схема поддержки бедных» [17]. В нем предлагалось заменить продукты в работных домах на «опилки и гранитную крошку» [17, р. 489], рассказывалось, что из костей умерших бедняков делают вилки [17, р. 491]. Текст был ни чем иным, как проявлением черной политической сатиры, однако вызвал большой резонанс, страх и панику среди пауперов. Такая ситуация не была единичной практикой. Через критические памфлеты и их популяризацию в газетах, работный дом стал «пугалом не только для чартистских памфлетов, но и для органов среднего класса, таких как The Times, Punch и нескольких ежедневных газет тори Лондона» [12, р. 18]. Образ работного дома стал игрушкой в руках разнонаправленных политических

сил. Общественное мнение было взбудоражено, бедняки боялись, а правительство только начинало внедрять еще не отлаженную систему помощи, которая должна была поддержать социальную стабильность в стране. Такая ситуация создавала условия для бурного роста памфлетов, целью которых становилось привлечение все большего числа сторонников на сторону того или иного памфлетиста.

Памфлетную литературу рассматриваемого периода отличает более «лояльное отношение к самому бедняку» [26, р. 51], тогда как критика в основном касалась системы работных домов как социального института. Памфлет, рассматривая его как публицистическое произведение, «тенденциозен уже в силу самой своей цели» [4, с. 55]. Английский памфлет рассматриваемого периода во многом наследовал традиции XVIII в., времени наивысшего расцвета жанра. Однако, необходимо отметить, что в ранневикторианский период памфлет отходит от прежних канонов. Так, если в XVIII в. памфлет выступает, как «наиболее свободный журналистский жанр...будучи пограничным жанром между журналистикой и литературой» [3, р. 219], то в рассматриваемый период памфлет в своем классическом понимании начинает угасать, эволюционировать в другие литературные формы. Сокращается их численность, все чаще памфлеты начинают перерождаться в журнальные статьи, большие газетные заметки или краткие социальные эссе, в которых начинают очерчиваться будущие контуры научно-популярной литературы социологического толка. Памфлет в викторианской Англии все более уступает место прессе и социальным романам, переживающими в это время зенит своей славы. В целом, содержание памфлетов о работном доме редко повествует о вопросах структуры и организации работных домов. Однако, практически все критически настроенные памфлеты были основаны на громких прецедентах,

популяризированных в СМИ аргументах и скандалах. Большинство претензий касалось вопроса моральной оценки нищих обществом и практических аспектов применения законодательства.

Исследователи отмечают риторический поворот в критике работных домов. Для 1830-1840 гг. характерна сенсационность в их описаниях, которые были связаны с «“злоупотреблений в работных домах”, “жестокости” и “бесчеловечности”» [12, р. 1], что было наиболее заметно в памфлетах, публикующихся в газетах. Работный дом становился объектом пристального внимания памфлетистов еще при действии так называемого «Старого закона о бедных» и в целом не выходил из фокуса социальной критики.

Постоянная публичная критика работных домов была доминирующей в первые годы «Нового закона о бедных». Это была одна из ведущих тем социального диалога британского общества второй половины 1830-х гг. Самые популярные тексты памфлетов затем публиковались и перепечатывались (полностью или в сжатом виде) в ведущих газетах страны. Таковым стал памфлет Дж. Вестерна «О тюремной дисциплине», который в сокращенном виде был опубликован в лондонском «Morning Herald» [16, р. 3]. Содержание памфлета подхватывалось газетами и листовками, ориентированными на разные социальные группы. В рассматриваемый период литературная форма, прежде популярная преимущественно среди образованной публики, вырывается за рамки светских и клубных бесед, донося свое содержание до малограмотных пауперов, неквалифицированных рабочих и жителей городских трущоб, чей возможный протест составлял социальный страх респектабельных классов.

Общественное мнение, выраженное в памфлетах, отражало преимущественно критическое отношение к Новому закону о бедных. Можно фиксировать протестные высказывания, локальное

недовольство и выступления отдельных лиц, однако нельзя сказать, что в целом для Англии это движение было единым и последовательным до середины века. В памфлетах рассматриваемого периода отражено общее недовольство нововведениями, осмысление происходящих изменений. Вместе с тем, в рассматриваемый период основной заботой центральных властей были т. н. «трудоспособные пауперы», тогда как дети, пожилые и немощные, больные и инвалиды — группы, которые в совокупности составляли подавляющее большинство претендентов на помощь по закону о бедных — продолжали получать помощь полностью в соответствии с усмотрением советов опекунов. В следствие чего помощь бедным оказывалась не только исходя из официальных приказов, но и в соответствии с принятой локальной практикой, определенной на местном уровне, и неразрывно связанной с характером экономики и традиционными обычаями социального обеспечения в регионе. В первые годы действия закона отсутствие распоряжений от правительства по узким вопросам внедрения системы работных домов не редко вызывало споры и нарушение в законодательстве, что в свою очередь, в условиях пристального внимания общественности, через памфлеты и газеты делало подобные ситуации сенсационными, превращая их в скандальные известия.

Памфлет как публицистическое произведение, отвечая на остросоциальное явление, демонстрирует свой художественный модус при формировании образа работного дома. А.О. Иерусалимская подчеркивает: «поскольку задача памфлета -эффективно и надежно убедить читателя, приемы и методы публицистики, представленные в этом жанре в максимально концентрированном виде, усиливаются благодаря использованию тропов, вымышленных и масковых образов, говорящих имен» [3, с. 219]. Наиболее наглядно эта черта жанра проявилась в

адресованном королю памфлете «Английский проходящий колокол, или траурные церемонии национальной святости, свободы и чести». Автором стал С. Робертс, писатель, предприниматель и смотритель за бедными в Шеффилде. Стоимость памфлета в один шиллинг позволяет говорить, что он был адресован беднякам и рабочим. Позаботился автор и о малограмотном читателе, предвзяв издания фронтисписом. Изображение и приложение к нему описание изобилует образами, концентрация которых художественно собрана на одном листе, здесь и старый Джон Буль с завязанными глазами, и лорд-канцлер попирающий «Великую хартию вольностей», и плачущая на ступеньках парламента Британия, которую утешает темнокожий мужчина. Изображение дополняется описанием: «справа на картине изображен епископ Лондонский, бьющий бедную молодую женщину [образ Англии...здесь и далее прим. А.К.] девятихвосткой, в то время как мертворожденный младенец лежит у ее ног, отец которого, со звездой на груди, стоит и смеется над ней. В левой руке епископ держит свиток с надписью “Мальтузианский план”. В середине картины, вдалеке, большой новый работный дом с датой 1834. Возле дверей Парламента катафалк, в который собираются положить три свитка, на них надписи – “Поруганная Национальная Святость”, “Национальная Свобода” и “Национальной Честь”» [19, р. 2]. Сумма этого визуального ряда позже будет заимствована из памфлета и распространена по всей стране через публикации в демократических изданиях, преимущественно однопенсовых, таких как «Poor Man's Guardian», бывших, одновременно, и рупорами чартизма.

Послабление налоговых сборов на печатные издания в 1835 г. означало их большую доступность, прежде всего газет, которые берут на себя роль транслятора идей памфлетов среди демократических

слоев населения. Можно было встретить подобные резюме: «Ну что ж, люди Англии, наконец-то у нас есть свободная народная пресса. Вы можете иметь дешевые памфлеты!» [18, р. 4-5]. Газеты популяризировали памфлеты и привлекали к ним внимание. К примеру, говоря о памфлете «Перспективы промышленности» П. Гаскелла [10], газета приводит краткое содержание памфлета, а резюмируя подчеркивает: он «заслуживает прочтения всеми, кто интересуется процветанием и счастьем народа» [13, р. 3].

В 1838 г. выходит в свет памфлет «Книга убийств», написанный автором под псевдонимом «Маркус». В произведении приводилось множество обвинений к комиссарам «Правительственной комиссии по делам бедных», утверждалось, что они намеревались использовать детоубийство для контроля взрывоопасной численности бедных. Автор подчеркивал: «С лживой и коварной филантропией на устах они лелеяли самые грязные и убийственные чувства в своих сердцах. С льстивым и лицемерным стремлением к безопасности и миру общества они на самом деле замыслили, плели интриги и готовили средства для совершения убийства детей» [14, р. 3]. Произведение становится выражением страхов бедняков и еще больше возмущает общественность. Автор памфлета, предполагая скептицизм публики и то, на сколько широким будет резонанс, восклицает: «Не отшатывайся, читатель, с содроганием недоверия, или вздрагиванием ужаса от обвинения, которое должно показаться тебе столь же необоснованным, сколь и чудовищным!» [14, р. 4]. Череду приведенных в памфлете аргументов и рассуждений о влиянии философии Т. Мальтуса и его сторонников, приходит к выводу, что «новый закон о бедных предусматривает, что они [бедняки] будут не только под надзором и принуждаться, но и заключены в тюрьму» [25, р. 4-5]. Этим тезисом была положена традиция сравнивать работный дом и

тюрьму, трактовать их равнозначными. Формула «работный дом = тюрьма» была широко заимствована прессой, а затем проникла в социальный диалог викторианцев, став константой для поколений пауперов. Сразу после памфлета «Книга убийств» началось создание «Книги Бастилий» (1841 г.) - обширного труда валлийского писателя Дж. Р. Бакстера. Книга стала в последствии своеобразной библией протестующих против работных домов – квинтэссенцией критики.

Критическая памфлетная литература и распространение ее содержания в газетах приводила к формированию сугубо негативного образа работного дома, который в восприятии современников не столько помогал, сколько устрашал и заставлял нищего прилагать все силы что бы не попадать в них. Страхи и общественное порицание бедняка привели к тому, что бедняки не хотели обращаться в «диккенсовские обители жестокости и бесчеловечности, поэтому многие предпочитали им голод, холод и преступный способ добывания средств к существованию» [14, р. 39]. Созданный образ работного дома ограничивал внедрение нового закона о бедных, «к 1842 г. только 16% прежних получателей помощи отправились в работные дома» [6, с. 39]. В этих условиях правительство решается на улучшение действующей системы, чтобы сделать ее более привлекательной для бедняков. Однако, поправки в закон, улучшение санитарного состояния, разработка специализированных диет, организация обучения и досуга бедняков не помогали развеять негативные коннотации, созданные первыми памфлетными этюдами авторов. В этих условиях, как ответ на критический памфлет о работном доме, начинает формироваться второй тип – контркритическое направление. Авторами данных памфлетов не редко становились лица близкие к работным домам – священники, попечители, благотворители. Распространение текстов находилось в поле зрения парламентской

комиссии и в целом одобрялось на правительственном уровне, однако не было найдено доказательств, что написание такого рода памфлетов было инициировано правящей элитой.

Типичным текстом контркритического направления является памфлет «Вся история и тайна нового закона о бедных», написанный Ф. Чаплином, одного из попечителей работных домов в Стортфорде (Хартфордшир). Памфлет был опубликован в виде небольшой брошюры, написан легко читаемым крупным шрифтом и понятным простым языком. Его стоимость в один пенни делало памфлет доступным для бедных низкоквалифицированных рабочих, для которых новости, слухи и мнения о работном доме оказывались судьбоносным. Они были наиболее близки к пауперам – как социально-стративо, так и в локальном пространстве города, что позволяло через устные разговоры в бытовом пространстве переносить мнения и суждения текстов памфлетов. С другой стороны, в случае экономического кризиса, рабочие были первыми кандидатами для обращения в работный дом, наиболее уязвимой прослойкой английского общества, переживающего следствия промышленной революции. Указанный памфлет, появившийся в ноябре 1835 г., должен был показать недостатки «Старой системы» закона о бедных и преимущества «Нового закона», снять страх в среде рабочих и пауперов. Основной текст предваряется анализом негативных сторон традиционного законодательства. В нем последовательно доказывалось, что приходские выплаты для бедняка были недостаточными для содержания паупера и его семьи. Памфлетист подчеркивал, что частный выбор бедняка оказывал влияние на всех нищих прихода. Паупер, оставаясь вне работного дома, не мог жить на выплачиваемую сумму и был вынужден искать себе работу, что в свою очередь приводило к перенасыщению рынка труда, обесцениванию рабочей силы. Такая практика, по мнению Чаплина, «подрывала

других рабочих» [25, р. 238], тогда как «работодатели искали таких бедняков для работы, потому что это сокращало расходы» [25, р. 238]. Автор памфлета находит компромисс между моральной оценкой бедняка и необходимостью помощи. В тексте подчеркивается: «Закон был изменен! По новому закону приход должен содержать калеку или инвалида, и содержать его полностью. Пока он в состоянии содержать свою семью своим трудом, пусть он это делает; а когда его постигнет болезнь или немощь, приход будет содержать его и его семью тоже. Но пока приход содержит его, фермер не должен забирать его труд... это неотъемлемое право способного и трудолюбивого человека, который честно и с благодарностью отдает пот своего лица хозяину, который платит ему» [25, р. 238]. Памфлет был направлен против фермеров-работодателей, подчеркивал трудолюбивость бедняков, тем самым обеляя их в глазах общественности. В тексте можно фиксировать четкое разграничение двух дискурсов о бедняке, где с одной стороны порицаемый паупер-бездельник, а с другой – честный трудолюбивый бедняк, попавший в сложную экономическую ситуацию. В этой связи необходимо упомянуть памфлет Д. Каппера, который был посвящен моральной стороне внедряемой системы. В нем автор приходит к выводу, что бедняки теперь «находятся в лучших обстоятельствах, чем раньше» [7, р. 25]. С точки зрения социальной морали критикуется и старый закон: «приходская сумочка была слишком легкодоступной, и возможность получить еще несколько шиллингов всегда оказывалась достаточным стимулом для бездельных и расточительных. То обстоятельство, что в помощи редко отказывалось таким персонажам, постепенно приводило к деморализации всего населения, обезкураживая трудолюбивых, побуждая одного за другим ослаблять свои усилия» [7, р. 6]. Таким образом аргументы в поддержку новой системы были созвучны с идеями протестантской этики. Работный дом в

социальной проповеди сторонников становился местом и физического, и духовного спасения. Викарий Д. Каппер лишь сожалеет о малочисленности бедняков, обратившихся в работный дом [25, р. 2; 24-26].

Ценностный конструкт идеи полезности демонстрирует указанный выше памфлет Ф. Чаплина. Автор играет на контрасте с созданным в газетах и проповедях образом тунеядцев, падших обитателей работных домов. Чаплин пишет: «Если люди приходят в приход, то будет справедливо и правильно, если они сделают себя полезными; любая работа, которую они делают, будет выполняться на территории прихода, который их содержит, а не на территории фермера или торговца, который их не обеспечивает. И, в то же время, работа, которую они делают, будет по возможности такой, чтобы не мешать работе других людей; не отнимать работу у других людей» [25, р. 239]. Общую цель памфлета автор видит в стремлении «не допустить, чтобы [бедняк] боялся закончить свои дни в работном доме» [25, р. 240]. Отмечалась и справедливость со стороны попечителей к беднякам: «Раньше часто говорили, что самые достойные из бедных, будучи скромными и тихими, реже получали помощь от прихода, чем шумные и беспокойные. Все это теперь будет исправлено. Будет трудно обмануть совет опекунов, и еще труднее их напугать. Каждый случай будет спокойно и обдуманно расследован, и решен по общим правилам; и решение будет строго соблюдаться» [25, р. 240]. Памфлетист в своем тексте буквально отвечает на претензии, которые оформляли аргументацию более ранних критических памфлетов. И в целом контр-критическое направление социально обеляет работный дом как социальный институт. Памфлетисты, выступающие на стороне нового закона, в своих текстах вступают в общественную полемику с критическим направлением. Так 17 июня 1841 г. в Дорсете был распространен анонимный памфлет «О новом законе о бедных.

Правда выйдет наружу!»), в нем автор гневно подчеркивал, что не предъявлены доказательства, о том, что «работные дома – это жалкие тюрьмы» [22, р. 402]. Типичными доводами контркритического направления становится подобные рассуждения: «Если внимательно рассмотреть, то будет доказано, что Новый Закон о бедных ни в одном отношении не тяготит бедных тяжелее, чем Старые Законы, и что все возражения против него — ханжество и лицемерие или основано на невежестве, лжи или преувеличении» [22, р. 402].

Большинство контркритических памфлетов отличает спокойствие и рассудительность. Так Ф. Чаплин, основываясь на современных ему политико-экономических идеях, рассуждает: «цель нового закона заключается в том, чтобы работа выполнялась, а заработная плата использовалась теми, кто будет содержать себя и свои семьи собственным трудом» [25, р. 239]. Обращаясь к общественности разного уровня дохода, он приходит к выводу: «платежи, возможно, поначалу покажутся несколько тяжелыми, хотя они, без сомнения, принесут большую пользу впоследствии. Для трудолюбивых бедняков, которые действительно готовы работать, не должно быть никаких сомнений, что новый закон принесет им наибольшую пользу, какую они только могут получить» [25, р. 241]. Позиция нашла отклик. Памфлет стал быстро популярным, распространялся в приходах, упоминался в газетах. Практически сразу, его подхватывают местные газеты. Однако, наибольшая его популярность приходится на начало 1840-х гг., о чем говорит его упоминание в газетах Девона [9, р. 2], Йоркшира [21, р. 7] и др. В них издание характеризовалось как «памфлет, который должна быть в руках каждого церковника» [9, р. 2] для подготовки к проповедям. Важное отличие между критическими памфлетами и текстами в поддержку работных домов заключается в стиле повествования. В первом случае оно более эмоциональное и сконцентрировано на деталях отдельного прецедента. Во

втором случае более частым является рассудительный тон, проведение дополнительных исследований и уточнений, которые должны были обосновать плюсы внедряемого законодательства. Отмечу, что истоки неаргументированной критики сторонники закона видели преимущественно в нежелании платежеспособных слоев общества оплачивать содержание бедняков. К примеру, памфлетист А. Робертсон высказывает надежду, что работные дома будут сохранены, несмотря на широкую критику, в которой он видит лишь то, что «собственность избегает части своей законной ответственности, а богатые уклоняются от полного исполнения морального долга» [15, р. 6]. Апеллирование к моральной стороне в целом было свойственно двум полюсам противостояния, которые по-разному понимали формы реализации морального долга.

Следствием памфлетной войны становится появление конструктивной критики работных домов. Она касалась частных изменений и порядка реализации законодательства, предлагала поправки и улучшения. Наиболее частыми для рассмотрения становились бытовые вопросы. В памфлетах обсуждались условия содержания – пространство, архитектура зданий, одежда, отдельное внимание уделялось питанию. Голод выступал устрашающей силой для паупера и основным маркером бедности в викторианской Англии. Множество памфлетов были связаны с анализом, критикой и предложениями по рациону для обездоленных, разрабатывались основы «экономной кулинарии» [2, с. 188]. К примеру, популярный памфлет Ч. Лесли «Основное питание», бурно обсуждавшийся в прессе, был посвящен нормированию использования мяса для готовки. Подчеркивалось, что памфлет «не защищал дело ленивых праздных бродяг, которые наводнили работные дома, а честных трудящихся, которые были вынуждены искать помощи» [15, р. 4]. В свою очередь СМИ не оставались в стороне, популяризируя тексты с предложениями новаций,

так за создание диетических таблиц газета, «выражала благодарность г-ну Лесли за его памфлет, которую должен был прочитать каждый» [15, р. 4]. В восприятии современников, наследуя традиции Просвещения, памфлеты и изложенные в них факты могли выступать основаниями для расширения работного дома. К примеру, преподобный Г. Смит, капеллан работного дома в Хэмпшире, обращается в комиссию для бедных с просьбой строительства дополнительных площадей работного дома, при этом прикладывает написанные им памфлеты, в которых рассуждает о благах создания работного дома нового типа в округе [23, р. 107-107]. В памфлетах конца 1830 гг. появляется все больше практических советов по улучшению состояния работных домов, приводятся примеры успешно реализованных мер. Здесь практически нет рефлексивных рассуждений, напротив, памфлеты полны утилитаристских планов, демонстрации успешности попечителей в организации быта бедняков. Так, газета «Hampshire Advertiser» в 1837 г. публикует «хорошо написанный памфлет, показывающий работу новой системы при самых благоприятных обстоятельствах» [11, р. 4] попечителя работного дома Дж. Б. Беста. В нем призывается добавить ко всем английским заведениям для бедных, по примеру описываемого образцового дома «классную комнату для девочек и общежитие; классную комнату для мальчиков, общежитие и игровую площадку; лазарет для мужчин; еще одну для женщин с примыкающей к каждой дневной комнатой; две карантинные; комнату для достойного прощания с покойными» [11, р. 4]. На рубеже 1830-1840 гг. пересматривается модус критики. Из социального института, который необходимо отменить, работный дом превращается в объект, который необходимо, сохранив, улучшить.

В ноябре 1842 г. был опубликован памфлет «Общие ночлежки, странствующее нищенство и санитарные меры». За

авторством А. Робертсона, председатель совета опекунов союза для бедных из городского округа Берик на Туиде [Berwick-upon-Tweed] (Нортумберленд). Создание памфлета он обуславливает «возбуждаемым чувством гуманности, стимулированное чувством долга». Автор посещает несколько ночлежных домов в Твидмате [Tweedmouth] и приводит в памфлете описания ночлежек, организованных частных образом - «обычные ночлежные дома, где бродягам и нищим, или кому угодно, будь то здоровым или больным, за ничтожную сумму предоставляется жилье» [24, р. 4]. Памфлетист приводит расходы на нищего в работном доме и размышляет о том, что они не столь велики по сравнению с вредом от попрошайек и мелкого воровства. Автор обращается к состоятельным классам с требованием пересмотра отношения к нищим. Робертсон подчеркивает, что старый закон для бедных «имел тенденцию сокращать продолжительность жизни взрослому населению, делал их непредусмотрительными, безрассудными и невоздержанными, с привычной жадностью к чувственным наслаждениям» [24, р. 6-7]. Автор памфлета выражает надежду, что: «донося до влиятельных лиц и официальных властей знание как морального, так и физического зла обычных ночлежек, а также пагубных факторов, которым позволено скапливаться на наших улицах, я смогу побудить их к каким-то быстрым и эффективным действиям по их устранению или улучшению» [24, р. 7]. Здесь намечается и деятельное сопротивление власти и общества. Так, памфлет Робертсона попадает в комиссию по делам бедных, которая ставит свою резолюцию на документе: «признать и заявить о готовности Комиссии содействовать расследованиям» [24, р. 2].

В 1840-х гг. памфлетная риторика меняется, а критика работных домов становится все более конструктивной, оформившись к середине века в «реформаторское движение» [12, р. 110] системы работных домов. Эволюция памфлета не означала

отсутствие сенсационных статей в газетах и разоблачений через художественные формы. Однако, именно рассматриваемый жанр предоставил формат через который в дальнейшем обосновывались предложения по конкретной трансформации существующих социальных проблем бедняков. Система работных домов смогла выдерживать критику, но ее переосмысление и учитывание рациональных предложений позволило на практике сгладить в глазах бедняка образ работного дома, внедрить более широко новое законодательство.

Заключение (выводы). Вклад автора заключается в пяти выводах. Первое, памфлет как жанр в рассматриваемый период имеет ряд уникальных особенностей, а при анализе его влияния на современников необходимо учитывать связь памфлетной литературы и ее отражение в газетах. Второе, рецепция системы работных домов в 1834-1842 гг. стала

продолжением общественной полемики о способах помощи беднякам и выражалась в двух основных направлениях – критическом и контркритическом. Третье, рецепция была тесно переплетена с аксиологическими концептами социальной морали англичан. Четвертое, сформированный миф о работном доме и связанные с ним страхи влияли на эффективность реализации нового законодательства. Пятое, памфлетная война по вопросу законодательства о бедных привела к формированию конструктивной памфлетной критики, которая учитывалась правительством и стала основой для сотрудничества власти и общества в вопросе дальнейшего реформирования и усовершенствования системы работных домов. Исследование может быть продолжено с учетом привлечения более широкого пласта источников, в первую очередь эссеистики, публичных писем, трактатов.

Список литературы

1. Барлова Ю. Е. Английское законодательство о бедных в XVIII - первой половине XIX века // Ярославский педагогический вестник. 2010. №3. С. 27-31.
2. Барлова Ю. Е. Помогать нельзя наказывать, терпеть нельзя просить? Бедность и помощь нуждающимся в социокультурном пространстве Англии Нового времени. СПб.: Алетей, 2018. 244 с.
3. Иерусалимская А. О. Поэтика английского памфлета XVIII века // Вестник ННГУ. 2016. №2. С. 217-221.
4. Курочкин С. С. Дискуссия о снабжении британских войск в Крыму зимой 1854-55 гг. в британской публицистике в период Крымской войны (по материалам памфлета «Whom shall we hang») // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки. 2021. Vol. 7 №3. С. 46-57.
5. Складорова Е. К. Пауперизм в становлении социальной политики Великобритании // Гуманитарные и юридические исследования. 2019. № 2. С. 90-97.
6. Яблонская О.В. Библия и лопата – путь спасения бедняков Э. Brentona // Вестник ПСТГУ. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2022. № 108. С. 34-46.
7. Capper D. Practical results of the workhouse system as adopted in the parish of Great Missenden, Bucks during the year 1833-34. L.: Hatchard and Son, 1834. 26 p.
8. Crowther M.A. The Workhouse System 1834-1929 (The History of an English Social Institution). L.: Taylor & Francis, 2016. – 318 p.
9. Exeter and Plymouth Gazette. 1841. April. 24.
10. Gaskell P. Prospects of industry: being a brief exposition of the past and present conditions of the labouring classes. L.: Smith, Elder and Co., 1835. 44p.
11. Hampshire Advertiser. 1837. Feb. 18.
12. Jones P., King S. Pauper Voices, Public Opinion and Workhouse Reform in Mid-

- Victorian England. L.: Palgrave Macmillan, 2020. 136 p.
13. Liverpool Albion. 1835. July 7.
 14. Marcus. Book of Murder. L.: Union free press, 1838. 11 p.
 15. Morning Chronicle. 1835. May 25.
 16. Morning Herald. 1838. July 17.
 17. New Scheme for maintaining the poor // Blackwood's Edinburgh Magazine. 1838. № 270 - April. Pp. 489 – 493.
 18. Poor Man's Guardian. 1834. June 21.
 19. Roberts S. England's Passing Bell, or the Obsequies of National Holiness, Liberty and Honour. L.: Steill & Whitaker, 1834. 19 p.
 20. Royle E. Revolutionary Britannia? Reflections on the threat of revolution in Britain, 1789–1848. Manchester: Manchester University Press, 2000. – 224 p.
 21. Sheffield Iris. 1843. Dec. 16.
 22. The National Archives (TNA) MH 12/2096/218.
 23. TNA HO 44/34/25.
 24. TNA MH 12/8978/1.
 25. TNA MH 12/4536/109.
 26. Williams S. Unmarried Motherhood in the Metropolis, 1700–1850. Pregnancy, the Poor Law and Provision. N.-Y.: Springer International Publishing, 2018. 270 p.

RECEPTION OF WORKHOUSES IN ENGLISH PAMPHLETS (1834-1842)

The article is devoted to the analysis of the social reception of the English about workhouses as a social institution. A new wave of reflection was caused by the adoption and implementation of the New Poor Law in 1834. Based on archival sources from the National Archives of Great Britain, pamphlets and newspaper materials, an attempt was made to reconstruct the perception of the workhouse system in the journalistic works of contemporaries. The article highlights the specific features of the pamphlet as a separate genre of the period under consideration, traces the goals of creating individual pamphlets, their influence on the system of English workhouses, the connection of the texts of published works with their popularization in newspapers. The period of 1834-1842 considered in the study became the time of early reflection and primary reception of social transformation in the sphere of assistance to the poor. The heterogeneous nature of the material demonstrates a greater interest of the English in solving social problems at the local level than the movement for systemic transformations on a nationwide scale. The article highlights the critical and counter-critical directions of social reception. It is concluded that social fears caused by the content of pamphlets and their distribution limited the implementation of the workhouse system, while constructive criticism contributed to the cooperation of the authorities and society in the issue of reforming the poor law in Victorian England.

Keywords: pamphlet, workhouse, Victorian England, newspapers, poverty, pamphlet war, social legislation, social compromise.

References

1. Barlova Yu. E. (2010) Anglijskoe zakonodatel'stvo o bednyh v XVIII - pervoj polovine XIX veka [English poor law in the 18th - first half of the 19th century] // *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik*. N 3. S. 27-31.
2. Barlova Yu. E. (2018) Pomogat' nel'zya nakazyvat', terpet' nel'zya prosit'? Bednost' i pomoshch' nuzhdayushchimsya v sociokul'turnom prostranstve Anglii Novogo vremeni. [You can't help, you can't punish, you can't tolerate asking? Poverty and assistance to those in need in the socio-cultural space of Modern England] SPb.: Aletejya. 244 s.
3. Ierusalimskaya A. O. (2016) Poetika anglijskogo pamfleta XVIII veka [The poetics of the English pamphlet of the XVIII century] // *Vestnik NNGU*. N 2. S. 217-221.
4. Kurochkin S. S. (2021) Diskussiya o snabzhenii britanskih vojsk v Krymu zimoy 1854-55 gg. v britanskoj publicistike v period Krymskoj vojny (po materialam pamfleta

«Whom shall we hang») [The discussion about the supply of British troops in the Crimea in the winter of 1854-55 in British journalism during the Crimean War (based on the pamphlet "Who shall we hang")] // *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki*. Vol. 7 N 3. S. 46-57.

5. Sklyarova E. K. (2019) Pauperizm v stanovlenii social'noj politiki Velikobritanii [Pauperism in the formation of British social policy] // *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya*. N 2. S. 90-97.

6. Yablonskaya O.V. (2022) Bibliya i lopata – put' spaseniya bednyakov E. Brentona [The Bible and the shovel – the way to save the poor by E. Brenton] // *Vestnik PSTGU. Seriya 2: Istoriya. Istoriya Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi*. N 108. S. 34-46.

7. Capper D. (1834) Practical results of the workhouse system as adopted in the parish of Great Missenden, Bucks during the year 1833-34. L.: Hatchard and Son, 26 p.

8. Crowther M.A. (2016) The Workhouse System 1834-1929 (The History of an English Social Institution). L.: Taylor & Francis. 318 p.

9. Exeter and Plymouth Gazette. 1841. April. 24.

10. Gaskell P. (1835) Prospects of industry: being a brief exposition of the past and present conditions of the labouring classes. L.: Smith, Elder and Co. 44 p.

11. Hampshire Advertiser. 1837. Feb. 18.

12. Jones P., King S. (2020) Pauper Voices, Public Opinion and Workhouse Reform in Mid-Victorian England. L.: Palgrave Macmillan. 136 p.

13. Liverpool Albion. 1835. July 7.

14. Marcus. Book of Murder. L.: Union free press, 1838. 11 p.

15. Morning Chronicle. 1835. May 25.

16. Morning Herald. 1838. June 17.

17. [Anonymous] (1838). New Scheme for maintaining the poor // *Blackwood's Edinburgh Magazine*. N 270 - April. pp. 489 – 493.

18. Poor Man's Guardian. 1834. June 21.

19. Roberts S. (1834) England's Passing Bell, or the Obsequies of National Holiness, Liberty and Honour. L.: Steill & Whitaker. 19 p.

20. Royle E. (2000) Revolutionary Britannia? Reflections on the threat of revolution in Britain, 1789–1848. Manchester: Manchester University Press. 224 p.

21. Sheffield Iris. 1843. Dec. 16.

22. TNA MH 12/2096/218.

23. TNA HO 44/34/25.

24. TNA MH 12/8978/1.

25. TNA MN 12/4536/109.

26. Williams S. (2018) Unmarried Motherhood in the Metropolis, 1700–1850. Pregnancy, the Poor Law and Provision. N.-Y.: Springer International Publishing. 270 p.

Об авторе

Шабунина Анастасия Константиновна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН (Россия), E-mail: shabunina@bk.ru

Shabunina Anastasia Konstantinovna – Ph.D. in History, senior research fellow, Institute of World History, RAS (Russia), E-mail: shabunina@bk.ru